

Автор рассказа «Нефрит» Анатолий Кузнецов — член нашего литературного объединения. Работает он на ТЭЦ первого калийного комбината.

Рассказ «Нефрит» мы печатаем в сокращенном виде.

— Объявляется посадка на автобус номер 75-15, следующий по маршруту Солигорск — Минск. Граждане пассажиры, просьба занять свои места, — прохрипел репродуктор. — Поворачивайтесь...

А через несколько минут автобус уже катил по добротной дороге. Солигорск почти скрылся в белесой морозной дымке. Только чёрные строгие вышки копров калийного комбината виднелись на горизонте. Сидя в автобусе, Виктор с грустью смотрел на удаляющийся город и думал. И чем дальше уходил автобус, тем сильнее сжималось сердце Виктора. Не только друзей — частицу своей души он оставил в Солигорске. Сколько труда вложил и он, Виктор, чтобы этот молодой город стал красивым, чтобы эшелоны бесперебойно увозили отсюда на поля страны камень плодородия — калий. А Шурочка? Это, пожалуй, самое дорогое, что оставлял он в Солигорске.

Шурочка... Как больно думать о ней сейчас, когда расстояние между ними с каждой минутой всё увеличивается и увеличивается, когда с каждым километром всё тоньше и тоньше становится нить, связывавшая их судьбы. Она ещё любит Тимофея Портнягина. А ведь он женат. Хотя какие могут быть преграды для настоящей любви!

Виктор прикрыл глаза и вспомнил далёкую родную деревушку на Керженце, свою юность, выпускной вечер в школе. Наверное, тогда он полюбил Шурочку. И, наверное, тогда Шурочка полюбила Тимофея. Тимофей в тот вечер повёз Шурочку к её дому на велосипед. И с тех пор они всё чаще уединялись. А Виктор, пересиливая стыд, крадучись, ходил за ними почти по пятам, кусая от отчаяния губы.

Осенью Виктор уехал в Сибирь в геологоразведочную партию. Поступил в институт на заочное отделение. Два года лазил с геологами по горам Забайкалья в поисках самоцветов. Он уже руководил группой, когда неожиданно явился Тимофей.

— Здорово, сосед. Принимай, — ввалился Портнягин в палатку. — Извини, что приехал, не предупредив — так лучше, наверняка. Отказать не посмеешь. Ведь такую даль ехал.

И хотя люди в группе были нужны, Виктор не очень обрадовался Тимофею. Было у него к

Портнягину в душе какое-то непонятное, неосознанное чувство — то ли неприязнь, то ли ревность, а может, и зависть. Но отказать ему Виктор не посмел — зачислил рабочим в группу.

Виктор учился тогда на четвёртом курсе. Он был уже опытный минералог. Сотни опасных километров, пройденных по горным хребтам, сотни метровых шурфов, вырытых им, физически закалили его, сделали выносливым.

Зимой их перебросили в Саяны. База находилась в верховьях бурной реки Оюта. В былые времена здесь добывался зелёный камень нефрит. Им было поручено исследовать несколько труднодоступных ущелий Саян, где, по мнению ученых, должны быть месторождения нефрита.

В Саяны Виктор уже шёл начальником экспедиции, Тимофей — коллектором.

К концу апреля должны были сниматься. Уже подготовлены инструмент и продовольствие, подобраны лошади. И тут к Ви-

хребта вдвоём. Трое суток пробирались они по узким карнизам, ползли по ледникам, нависшим над пропастями, карабкались по отвесным скалам. В одном из ущелий, на берегу ручья, они нашли нефрит. Это был совсем маленький кусочек. Тимофей, увидев его, тогда воскликнул:

— Смотри, счастливый — на сердце похож!

Кусочек и вправду отдалённо походил на червонку. Потом уже, на досуге, Виктор столовым ножом огранил, облагородил его форму. Прицепил дешёвую цепочку.

Когда они возвращались в лагерь, на узком карнизе их застала пурга. Виктор и Тимофей, привязавшись друг к другу верёвкой, с трудом пробирались по скользкому карнизу. Пурга разгулялась во всю. Крупный сырой снег, подгоняемый ветром, бешено вращался в ущелье. Идти становилось всё труднее, а ветер крепчал. Неистовые его порывы старались сбросить геологов в пропасть, и они, чтоб не свалиться, всем телом прижимались к камням.

И всё же Тимофей сорвался... Виктор не видел его, он лишь услышал, как Тимофей вскрикнул. Верёвка, связывавшая их, дернула Виктора вниз, и он едва успел ухватиться за выступ в скале, чтоб не полететь вслед за Тимофеем. Упёршись правой ногой в ямку, Виктор с трудом удерживался на карнизе, боясь

невесты Тимофея. И он стал рассказывать. Он лгал долго, нескладно и сбивчиво. И ему поверили, как поверили потом на следствии, как в дальнейшем он сам поверил в свой вымысел.

Мать Тимофея вскоре умерла. Совсем осиротевшая Шура заговорилась на стройку.

Был ли он, Виктор, уверен тогда, что Тимофей погиб? Пожалуй, да. Но откуда-то изнутри сверлило: «А почему же ты три дня поил агента оргнабора водкой, чтоб он никому не говорил, куда уехала Шура? И он своё обещание выполнил — для виду порывшись в бумагах, он отвечал: «Не значит, не могу знать». И Тимофей слишком поздно нашёл Шуру.»

Да, Виктор, ты не был уверен в гибели Тимофея. Ведь три раза запрашивали твою мать из геологического управления о твоём местопребывании, а она, по твоей просьбе, отвечала: «Не знаю, не пишет». А тебя разыскивали, чтоб сообщить, что Тимофей жив, разыскивали, чтоб обрадовать — ведь ты так плакал на базе о потере своего друга. А ты в это время был в Солигорске, ходил с Шурочкой в кино, на танцы и добивался её любви.

Это так. Он тогда вслед за Шурочкой приехал в Солигорск, устроился на работу. Здесь они стали ближе друг другу. Но Шура не торопилась замуж. Однажды прерванный ею разговор на эту тему Виктор тоже больше не возобновлял. Не возобновлял целых шесть лет. Просто встречались, были друзьями. И память о Тимофее стала сама собою ступенькой, тускленькой. О нём почти не говорили. Только один раз, желая сделать Шурочке приятное, Виктор подарил ей маленький кусочек нефрита, оправленный латуной. Он отделан был в форме сердца.

— Это оттуда, — сказал Виктор, протягивая ей медальон. У Шурочки на глазах заблестели слёзы. Она отвернулась, хотела уйти, но Виктор удержал её.

— Не надо, Шура, прошлое не вернуть.

Он обнял её и стал целовать. Она не сопротивлялась. И он целовал её в губы, щеки. Целовал жадно, иступленно, словно хотел отдать ей все свои чувства, томившие его эти долгие годы. А по лицу её текли и текли слёзы... Это были последние слёзы по Тимофею.

И вот шесть лет спустя Тимофей появляется в Солигорске. Там, в Саянах, сорвавшись с карниза, Тимофей упал в глубокий снег. Это спасло его от гибели. Но поврежденный позвоночник пришлось лечить почти три года...

...Виктор остановившимися глазами смотрит на маленький кусочек нефрита, похожий на сердце. Узнав вчера, что Тимофей жив, Шурочка бросила медальон Виктору под ноги.

— Мерзавец, ты лгал мне, лгал! — крикнула она, задыхаясь от слёз.

Виктор сжал в ладони медальон. Острая грань больно врезалась в кожу. Но он не замечал этого. Он смотрел остановившимися глазами в окно, за которым холодный ветер гнал колючие стремительные снежинки. И вдруг Виктор с ужасом понял, что ему никуда не сбежать, что никакие автобусы и поезда не умчат его от того страшного судьбы, который судит его и будет судить долгие и долгие годы, заставляя в мучительных судорогах сжиматься его сердце. И имя этому судье — совесть.

А. Кузнецов

НЕФРИТ

Рассказ

к которому подошёл Тимофей:

— Отпускай начальник, — как обычно, чуть с усмешкой обратился он. — Жениться думаю.

— Жениться? — переспросил Виктор.

— Да. Вот Шурочка письмо прислала, мы уже договорились, а мне и отпуск положен.

Виктор похолодел. Чувство притупившейся ревности вспыхнуло с новой силой.

— Ты что ж, в ответственный момент решил дезертировать? — не сдержав себя, проговорил Виктор. Он чувствовал, что его слова звучат фальшиво — на базе людей хватает, и Тимофей прекрасно знает это, но что поделаешь, когда чувство сильнее рассудка. Виктор ждал, что Тимофей начнет упрашивать его об отпуске, но тот спокойно смял заявление и развёл руками:

— Извини, коль свадьбе не время. Шурочка не обидится, она у меня такая — поймёт. — И вышел спокойно, уверенно.

Саяны их встретили угрюмо и неприветливо. Неприступные отвесные скалы, облепленные грязными клочьями снега, подступали к самой реке, по которой осторожно двигались геологи.

Они шли больше полмесяца. Брели пробы, изучали и наносили на карты рельеф, уточняли геологические данные. Снег начал таять. Кое-где на проталинах появились первые бледноватые цветы. На семнадцатые сутки геологи вышли к широкой котловине, похожей на огромную чашу. По дну ее прихотливо извивалась неглубокая спокойная речушка. Местами через неё были перекинuty неуспевшие растаять снежные мосты.

В этой котловине и решили разбить лагерь. После недолгих поисков нашли удобную площадку, недоступную внешним водам и стали ставить палатки. Отсюда удобно делать разведку во все стороны. Пока поводок не даёт возможности переправы на правый берег, можно с неделю исследовать район с левой её стороны.

Виктор и Тимофей решили разведать путь до Западного

пошевелиться. Тимофей висел над пропастью и что-то кричал, но слова за воем пурги разобрать было невозможно. От напряжения в глазах Виктора плавали круги. О том, чтобы вытащить Тимофея, не могло быть и речи. Стоит Виктору ослабить руки или ноги и он, увлечённый тяжестью Тимофея, сорвётся вниз. Что делать? Что? А руки с каждой минутой слабели. Нога, поставленная в неудобное положение, затекла; ещё несколько мгновений — и она невольно подогнётся. А тогда конец.

И Виктор обрезал верёвку... Полуживой он добрался до лагеря. Тимофея потом искали, но не нашли. Пять суток бушевала метель. Нужно было спешить на базу — продукты подходили к концу.

В родную деревню Виктор приехал в августе. Вовсю зрели яблоки. Последние злые комары впились в кожу даже в полдень. Он шёл по пустым улицам деревни к своему дому. За плечами неизменный полупустой рюкзак, в руке можжевельная палка, а в душе страх перед встречей с Шурочкой и матерью Тимофея.

В деревне уже знали о случившемся в Саянах. Мать Тимофея, болезненную старушку, после известия о гибели сына разбил паралич. Вечером Виктор сидел перед постелью старушки, лицо которой отливало мертвенной синевой. И только глаза её оставались живыми, мыслящими. Они отражали всю боль, всю муку, которые она не могла выразить своим онемевшим языком. Глаза её смотрели на Виктора то с мольбой, с верой, то безнадежно потухали, то вновь в них загорался вопрос: «Как же это? А? Может, он жив, жив?» Подходила Шурочка, говорила тихо:

— Она слышит, Витя, расскажи ей.

Шурочка тоже была грустная, похудевшая.

Виктору стало страшно. Страшно под взглядом этих двух несчастных женщин — матери и